

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »

СПЕЦНАЗ

Александр АФАНАСЬЕВ

ЖЕРТВА ОСОБОГО
НАЗНАЧЕНИЯ

Спецназ. Группа Антитеррор

Александр Афанасьев

Жертва особого назначения

«ЭКСМО»

2014

Афанасьев А. Н.

Жертва особого назначения / А. Н. Афанасьев — «Эксмо»,
2014 — (Спецназ. Группа Антитеррор)

В Багдаде открывается саммит по урегулированию конфликта на Ближнем Востоке. В Ирак прибыли президенты России, Ирана, Ливана и Сирии. Приняты беспрецедентные меры безопасности, задействованы все силовые структуры, в том числе частные армии и охранные предприятия. Александру Серову, бывшему сотруднику ФСБ, а ныне начальнику службы безопасности нефтяной компании, поручено отслеживать активность агентов ЦРУ. В процессе работы Серов получает информацию о готовящейся террористической атаке: сотрудники ЦРУ совместно с радикальными исламистами готовят серию покушений на участников саммита. Основная цель – президенты Ирака и России...

© Афанасьев А. Н., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Ирак, Багдад	6
Ирак, Багдад	17
Ирак, Багдад	19
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Афанасьев

Жертва особого назначения

© Афанасьев А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Ирак, Багдад 27 мая

Ас-саламу алейкум ва рахматуллахи ва баракатух, братья и сестры мои. Русские и не русские и вообще все, кто меня читает.

Это снова я. Зовут меня Александр, фамилия моя Серов, но это, конечно же, не фамилия, а оперативный псевдоним, который я взял очень давно и привык к нему. О том, что это фамилия бывшего председателя КГБ, который, помимо прочего, был замешан и в событиях 1937 года, я тогда не думал. А сейчас... Да пошло оно все! Здесь и сейчас – тридцать седьмой год, все эти споры, склоки, дразги и пересуды относительно того, что тогда произошло, кто убивал, кого убивали и кто в итоге был прав – все это мелко, мерзко и бессмысленно по сравнению с тем, что творится здесь и сейчас. Здесь и сейчас – это в Багдаде в девятнадцатом году нового тысячелетия, две с лишним тысячи лет со дня Рождества Христова. Рождения Христа, заповеди которого мы давным-давно позабыли.

Я русский. Руси, как здесь говорят. И я сообщаю это вам не для того, чтобы подчеркнуть каким-то образом свое национальное превосходство или что-то в этом духе, – просто констатирую факт. Мы – русские. Мы – здесь. Мы не даем обвалиться остаткам конструкции старого мира и одновременно строим здесь новый мир. И если мы даже уйдем, здесь останутся цивилизованное государство, отсутствие взрывов на улицах, худой мир, который, как известно, лучше доброй ссоры. Но есть и такие, как Аль-Малик – бывший солдат внутренних войск, ставший террористом и исламским экстремистом, работающим на «Аль-Каиду». Он убил моих друзей... Это было довольно давно, в Дамаске, несколько лет назад. А я – убил его. И это было совсем недавно, несколько дней назад. А потом... Потом жизнь просто продолжилась...

Аль-Малик был мертв, но дело было не закончено. Остались американцы и игра с ними. Игра, которая может закончиться как безымянной могилой, так и срывом планов некоторых людей в Лэнгли и Пентагоне и снова опрокинуть Ирак в пучину гражданской войны. Зачем они это делают? Проще всего сказать – они не ведают, что творят. Но это не так. Здесь новый фронт холодной войны, и у него свои законы. В одной книге я прочитал такие слова: «Они знают, что поступают плохо, просто они погрязли во зле». Это так и есть. Они погрязли во зле, и кто-то должен их остановить. Я и останавливаю. Мой агент, точнее не агент, а скорее хороший друг – Джейк Барски, который тоже хотел остановить зло, мертв. Скорее всего убит. Но новый человек ЦРУ – в Багдаде. И игра начинается заново...

Еще остался Ирак и то, что здесь нужно сделать. Осталась Амани, теперь – моя жена. Мусульманка, палестинка и бывшая террористка, сейчас работающая на спецслужбы Хезболлы. Наш брак похож на никях – мусульманский брак, который заключается и расторгается через произнесение нескольких слов. Но мне плевать. Я люблю ее. И надеюсь на взаимность...

* * *

Эту ночь мы впервые провели с Амани в месте, которое можно было назвать домом, а не временным прибежищем. В месте, где есть что-то свое, где чувствуется обжитой дух, где есть маленькие вещи, говорящие о владельце. Наверное, это и есть семья.

Утром Амани меня раскритиковала за пустой холодильник и совершенно ненадлежащий набор кухонной утвари. Придется, как говорится, соответствовать – идти на базар.

Утром, как и договорились, за мной заехал Вован, дал условное количество сигналов – для каждого дня недели свое. В раздумьях относительно того, что купить из посуды, дабы не нарваться вечером на семейный скандал, я вышел из дома и...

Белая «Тойота»-седан впереди мигнула мне «стопами».

Чёрт!

Вован отреагировал мгновенно – подал машину вперед так, чтобы она стала между мной и «Тойотой». Зазвонил телефон, номер которого знают далеко не все.

– Слушаю...

– Это ты, братан?

Знакомый голос, чтоб его.

– Ты где?

– Впереди. Белая «Тойота».

– Вижу...

Я показал Вовану знак – все в порядке – и направился к «Тойоте». Если что, уйти они все равно не сумеют, а так – не смертники же они. Борек так точно не смертник. Он жить любит. Большими, чтоб его, глотками...

Тот парень – вроде как украинец – сидел за рулем. Борек – сзади...

– Доволен, что пулю только чуть не поймал, – сказал я, садясь назад к своему старому «другу».

– Да брось.

– Ага. Щаз. Оторву и брошу. Тебе под ноги.

Борек вымученно улыбнулся.

– Не начинай, а?

– Я и не начинал пока. Тебе чего здесь надо, кроме неприятностей?

– Ты сделал?

Я скорчил удивленную мину.

– Сделал? Чего сделал, родной?

– То, о чем мы договаривались.

– А ты думаешь, это так просто? Да такие вопросы знаешь, какие верха решают?! А ты – сделал...

– Я-то думал, быстрее будет.

– Индюк тоже думал – и куда попал? Если хочешь – позвони в Кремль для ускорения...

Я подмигнул.

– Бывай. Чуть что будет – сообщу.

И полез обратно на свет божий. В таких случаях нельзя давать противнику ни шанса перехватить контроль над ситуацией...

Вован ждал меня в «Патруле» с мрачной репой и рукой под курткой, лежащей на переднем сиденье. Я сел назад.

– Чего мрачный такой? Знамя украли или чего там? Это что за орел был?

– Да так. Человек божий, обделан кожей. Чего нового?

– Приказано всем с утра в основное здание. Какая-то оперативка будет.

– Опять?!

Ненавижу...

На периметре Русского дома – усиленная охрана, стоят бронетранспортеры, тяжелые¹. Во дворе – кавалькады суровых черных джипов, из Москвы, что ли, приперли? Тут все на белых ездят – жарко, однако.

Оказалось, так оно и есть.

На входе ко мне бросился Мельниченко, тот еще фрукт. Один из тех, кто командировку на стуле отсиживает. Тут, в Доме, – подай, принеси, пошел вон. Чей-то помощник, сиречь холуй. Тоже ненавижу.

¹ То есть бойцы в тяжелой боевой экипировке, включающей в себя бронежилет шестого класса и бронешлем.

– Вы где ходите! Оперативка десять минут как началась!

– Та-аварищ подполковник, мы не ходим. Мне вообще сам генерал три дня отпуска дал. Холуй закатил глаза от возмущения.

– В главный зал! Не шуметь только.

Дать бы тебе в морду – вот бы шума было. Да не стоит напрягать...

В бывшей штаб-квартире партии БААС, которая в общем-то была похожа на нашу КПСС, только более циничная, был зал для съездов, большой – нам такой не нужен. Нам бы поменьше, да других нет. Вот и приходится здесь на первых рядах размещаться.

Оп-па, а у зала-то тоже охрана.

– Документы.

– Пжалста.

– Оружие есть?

– Конечно, есть.

– Сдайте.

Охренели.

– Да? А если за время, пока мое оружие тут лежит, из него пристрелят кого-то. Кто будет отвечать? Я?

Охранник смотрит на меня, как на духа. Вот, тоже работенка – к своим, как к чужим. Цедит сквозь зубы:

– Ты охренел, боец? Сдать оружие.

– Пошел ты!

Разворачиваюсь, поднимаюсь вверх. В знакомом сейфе оставляю все, что у меня есть, вплоть до металлической ручки, которой при соответствующих навыках можно убить человека. Разоружаюсь, возвращаюсь и с лицом красного партизана Лазо прохожу повторный обыск. Ничего нет – и меня пускают в святая не святых. Потому что святых в этом здании точно не наблюдается.

Пригнувшись, как под огнем, пробираюсь к свободному ряду кресел, стараясь не привлечь внимания ни шумом, ни чем-то другим. Занимаю свободное кресло с краешку. С трибуны, которая тут со времен Саддама Хусейна мало изменилась, уверенно вещает москвич со значком в виде трехцветного флага на лацкане пиджака. Ну-ка, послушаем политику партии и правительства.

...в связи со сложной оперативной обстановкой в городе вы должны понимать, что для обеспечения визита потребуются предпринять экстраординарные меры безопасности...

За-ши-бись. Только визита нам тут еще и не хватало...

Выслушав москвичей с трибуны, а потом и наших подпевал, я пришел в совершеннейший аут. Как говорится, хватай мешки, вокзал отходит.

Как вам, наверное, известно, в 2015 году группой стран, в том числе Ираком, в Москве, после самопальной и мало кем признанной международной конференции по урегулированию (в основном там меж собой решали, кто наблюдателей прислал, а кто и вовсе блистательно отсутствовал), было принято решение об урегулировании на Среднем Востоке самым радикальным способом. Путем высадки частей русской армии, внутренних войск и ликвидации террористов – всех до единого. В отличие от брюссельских штудий, где больше трындели о правах человека, в том числе и такого человека, который хлещет из «АК-47» по проезжающей армейской колонне или подкладывает бомбу на дороге, там разговор был конкретный, с большим участием военных, спецслужбистов и бывших спецслужбистов. Мы удачно попали в масть, можно сказать. Возможные телодвижения Китая в этом регионе блокировались из последних сил США, да и сами китайцы по определенным причинам не готовы были активно вмешиваться своими силами в идущую в регионе вялотекущую гражданскую войну. И позиция их была понятна: связаться означало стать целью джихадистов, которой они до этого не были, и

испортить отношения с некоторыми важными и влиятельными кругами в Персидском заливе, от которых Китай зависел больше, чем хотел это показать. Нам же терять было нечего: уже возвращались в страну поднаторевшие в уличных боях, прошедшие медресе в долине Сват боевики, на карте страны вспыхивали все новые и новые горячие точки – Югра, Ульяновск, Казань, Уфа, Ставрополь, Сочи, Подмосковье. Особого выбора для нас не было – элита стран Аравийского полуострова нацелилась на нашу страну еще с девяностых, плодились всякие исламские фонды, действовали подпольные и полуподпольные медресе, студенты (кстати, слово «талиб» в переводе означает «студент») выезжали за границу в поисках знаний, учились в исламских университетах Мекки, Медины, Аль-Азхар в Каире, в Деобанде, в Хаккании, в Красной мечети. Еще лет десять, даже меньше, и дело могло кончиться уже не отделением Кавказа, а полномасштабной религиозной войной по всей стране. Отступать нам было некуда – только наступать, переносить боевые действия на территорию противника. А с той стороны было немало тех, кто еще помнил Советский Союз, в армии хватало тех, кто закончил советские училища, в спецслужбах – Университет дружбы народов. Так что – сговорились. Договоренность не приняли всерьез ни элиты Персидского залива, ни Брюссель, ни Вашингтон. А напрасно.

Потому что если мы чему и научились за последние четверть века, так это воевать с партизанским движением. Жестоко, кость в кость, без сантиментов и самоограничений. И когда первые борта приземлились в ближневосточных аэропортах, когда контролируемые целые районы в городах столкнулись с беспощадным контртеррором, совсем не похожим на то, что было с американцами, – тогда-то начали соображать...

Но проблема была в том, что до сего времени союз, уже проявившийся на деле и показавший свои плоды, никак не был оформлен политически. Совсем никак.

Что ж, пришло время определяться, и мы, кажется, определились. В самое ближайшее время должен был состояться визит в Багдад президента России. И одновременно с этим столицу Ирака должны были посетить президенты Ирана, Ливана и Сирии. Теперь понимаете, какая каша заваривается?

Я-то понимал. И все присутствующие в зале – тоже понимали. Ставки – не ниже, чем во время встречи «тройки» в Тегеране в сорок третьем. Против нас будут все. Весь мир. Но, черт меня возьми, разве это не круто – идти против всего мира? Встать и сказать – а мы будем жить, как считаем нужным, а вы со своими советами, рекомендациями, требованиями как можно скорее провести демократические выборы² – идите-ка...

Подальше, в общем.

На то, чтобы припрячь нас к высочайшему делу («Слово и дело государево!») обеспечения безопасности и довести до нас, сирых и убогих, что теперь мы подчиняемся вот этому, состоящему из москвичей оперативному штабу, у гостей ушло только полтора часа. Честно – мне жаль и их. Придурки жизненные.

На улице подходит ко мне Павел Константинович, мрачный, как туча.

– Без этого не можешь, да?

Я моргаю невинными глазами.

– А чего? Я ничего, товарищ полковник. Женился вот...

– Чего?!

– Женился, говорю. Гражданским браком пока. Но думаю, скоро и...

– Твою...

Дальше полетел такой мат, что на нас стали оборачиваться все, в том числе и москвичи. Дело, в общем, обычное – шеф подчиненного честит. Хотя... Наверное, я все же вылечу когда-

² Выборы – это, конечно, самое оно. Особенно если общество расколото до того, что в стране вот-вот начнется гражданская война. И больше всего они нужны нищему, отчаявшемуся горожанину с самых низов, потерявшему работу, живущему в хижине на один доллар в день и получающему каждую пятницу продуктовый набор в ближайшей мечети вместе с порцией ваххабитской пропаганды. Да, выборы тут помогут, это несомненно.

нибудь со службы как пробка из бутылки. И наверное, я даже многое делаю для этого. Просто все осточертело – свободы хочется, а не этой вот тягомотины с костюмчиками.

Немного проматерившись, шеф приходит в себя.

– Сволочь ты, – устало говорит он.

– За что? Я разве не работаю?

– Зачем ты с гуошниками³ на входе сцепился, нахамил им, а? Неужели нельзя без этого?

– Они мне ксиву не предъявили. Зато оружие сдать попросили. Я все же на улице работаю, сами понимаете, что такое без оружия.

– Я все понимаю, – нехорошим тоном говорит Павел Константинович, – короче, вот что. К москвичам, к любой работе по визиту – ни ногой. Нарушишь – вылетишь отсюда как пробка из бутылки. Я серьезно.

Полковник смотрит на меня даже просительно. Я его понимаю. С одной стороны, гости из Москвы, а с другой – кто-то должен давать результат с улиц.

– А чего мне делать? Отпуск взять, на Маврикий уехать с женой? Так я не против.

Ага щаз-з-з...

– Сейчас идешь к Станиславскому, поступаешь в его полное распоряжение. Полное, слышал? И отрабатываешь имеющуюся у тебя информацию по враждебной активности МОССАДа и ЦРУ в городе. Больше ничем не занимаешься, понял?

Станиславский, он же Музыкант, – серьезный дядя. Он еще в Ставропольском УФСБ работал, в период 1996–1999 годов вел разведывательную работу против независимой Чеченской Республики Ичкерия, пленных вытаскивал, об обменах договаривался, агентов забрасывал. Это на него в свое время вышел Ахмад-хаджи Кадыров, когда понял, что дальше – край и надо договариваться на любых условиях. С тех самых времен он и приговорен Исламской Шурой моджахедов к смерти. С таким поработать – в уважение будет.

– Он что знает?

– Все. Создана опергруппа, ты в ее составе. Дальше он доведет.

Павел Константинович мнется.

– Ты чего там про свадьбу говорил? Шо, реально? С этой, ваххабиткой твоей?

– Что значит ваххабиткой? – возмущенно говорю я. – Во-первых, она моя жена, попрошу с уважением. Во-вторых, она не ваххабитка, ее ваххабиты на прицеле держат, как и нас всех. Она им как кость поперек горла. Она из дружественной разведки.

– Ох, нарвешься. Дружественных разведок не бывает. Лишат допуска и таких бздей навтыкают! И мне заодно. За потерю бдительности и развал работы с личным составом. Тут уже какой-то... Пушкин, чтоб его... Телегу написал, что у нас тут беспредел полный, эскадроны смерти действуют. И ты еще со своей...

– Пусть на улицу пойдет, поработает. Эскадрон смерти...

В нашу сторону начинает двигаться москвич, и Павел Константинович замечает это.

– Все, иди с глаз...

Вот тебе и медовый месяц. С поздравлением от начальства заодно.

* * *

Станиславский, который вел работу по Аль-Малику, пока мне и Амани не удалось выследить и завалить его на сирийской границе (та еще мясорубка была), был и в самом деле человеком очень серьезным.

Он не подчинялся даже резиденту, а выходил напрямую на АТЦ «Москва». Для неразумных – Антитеррористический центр «Москва», управление ФСБ, реорганизованное из

³ Главное управление охраны, бывшее Девятое управление КГБ СССР.

управлений «А» и «В», которые, в свою очередь, берут начало от легендарных советских групп «Альфа» и «Вымпел».

Станиславский встретил меня в своем кабинете – он сидел с отдельной охраной и в отдельном блоке. Был он совсем не героического вида – полный, ниже меня ростом, в очках, с усами и небольшой, как у арабских шейхов, бородкой. Мы поздоровались – по местному, не по-русски, коснувшись губами щеки друг друга.

– Ас-саламу алейкум.

– Ва-алейкум ас-салам...

Генерал показал на стул.

– В связи с последними событиями, – сказал он, – я пробил через Москву создание ВСОГ⁴. Назовем ее «Самум». Группа создается с целью... Для начала вопрос. Вы верите в гибель Аль-Малика? Вы, лично.

Хороший вопрос.

– Сомневаюсь, товарищ генерал.

– Почему? Вы же стреляли в него.

Да уж. Вот это-то мне и не дает покоя. Стрелять-то я стрелял. С крыши из винтовки Драгунова. Дистанция – метров семьдесят, можно камнем докинуть, не то что пулей. Только не один он был – с ним двое охранников из местного бедуинского племени. Они за него отвечали и с оружием были. Могли начать во все стороны стрелять, людей положить, а это недопустимо. Я первыми их снял, а вот по Аль-Малику не уверен, что вообще попал. Верткий он, гад... Был.

– Стрелял, но не попал, товарищ генерал, он среагировал быстрее. Он был в машине, машина взорвалась, но секунд пять-семь она была вне моего поля зрения.

– То есть вы хотите сказать, что Аль-Малик мог и выпрыгнуть из машины?

– Мог, товарищ генерал.

– Даже с учетом того, что машина находилась под прицелом вашей... гм... сопровождающей?

– В такой ситуации можно что-то и пропустить, товарищ генерал. Паника, крики, перестрелка, быстрое движение машины.

Генерал открыл ящик стола, перед этим набрав код. Достал какую-то папку.

– Сегодня утром получил. Заключение из Центрального военного госпиталя по образцам ДНК, найденным в сгоревшей машине. Один из этих образцов имеет прямое родственное сходство с образцом ДНК, присланных нами из Москвы. Вероятность совпадения – более девяноста процентов. Вы все еще настаиваете на своем утверждении?

– Так точно. Можно быть уверенным, что Аль-Малик мертв, только если увидишь его труп. Да и то не до конца.

– У вас с ним личные счеты? – прищурившись, спросил генерал.

– Так точно.

– Какие именно?

– С Сирии, товарищ генерал, – мне хотелось встать и уйти. – Он вычислил и взорвал нашу оперативную базу в Дамаске.

– И вы хотите отомстить.

– Так точно.

Генерал смахнул папку обратно в стол.

– Что ж, в таком случае мы с вами сработаемся, – констатировал он.

Вот это номер.

– Первое, что мне нужно от людей, – сказал Музыкант, – это наличие четкой мотивации. В условиях, когда идеологии нет как таковой, месть – наиболее сильная из возможных. Второе

⁴ Временная сводная оперативная группа.

– это несогласие со мной. Мне не нужны те, кто будет стараться угадывать, что я хочу услышать. Это не разведка, а...

Слово было таким, которого от генерала никак не ожидаешь услышать.

– Единственное, что вы должны помнить, – мне нужен результат, а не оправдания. Оправдания – для проигравших, ясно?

– Так точно.

Для генерала, тем более его возраста и тем более российских спецслужб, – мысли на удивление здравые. Будь таких побольше – глядишь, не мы, а Вашингтон проиграл бы холодную войну. Большинство у нас – шаркуны с Арбатского округа. Хотя есть и зубры тот же Шаманов.

Генерал вышел в соседнюю комнату, оставив меня одного в думах тяжких. Вроде бы то, что я и хотел. Дело, а не шарканье и интриги. Вот только остаться бы в живых. Такие, как Музыкант, пошлют в самую мясорубку, не дрогнув.

Бог не выдаст, свинья не съест, в общем.

Генерал вернулся со старинным подносом, на котором было все приготовлено для чаепития. Даже сахар – правильный, тростниковый, коричневый.

– Кубинские друзья прислали, – пояснил генерал. – К счастью, не всех друзей растеряли.

Генерал разлил чай по чашкам. Первую в знак уважения предложил мне, что в общем-то не положено. Если даже не принимать во внимание разницу в званиях – он старше меня по возрасту. Видимо, как хозяин угощает гостя...

– Рахмат...

– Мне тоже не нравится эта история с Аль-Маликом, – сказал генерал. – Какая-то она незавершенная. Террорист такого класса просто так не погибает.

Я пожал плечами.

– И на старуху бывает проруха. Тот же Аз-Заркави⁵выскочил из кольца в Рамади, но погиб от удара бомбардировщика вскоре после того, как его родственники отреклись от него и, скорее всего, выдали его местонахождение иорданскому Мухаббарату. Всякое бывает...

– Теперь вы противоречите и мне, и даже самому себе, – сказал генерал. – Для Аль-Малика здесь могла быть только одна достойная его внимания цель. Саммит глав государств. И он погибает, причем погибает очень странно. Какого черта он полез в тот район? Какого черта он связался с этими, можно сказать, детьми? Он же подставил себя!

– Чтобы умереть? – предположил я. – Или чтобы все так думали?

– Вот именно. Чтобы все так думали. Возможно, это был запасной план, который он активировал после того, как вы едва не взяли его на вокзале. Возможно, он импровизирует. И одновременно с этим резко активизируются ЦРУ и МОССАД. И почему-то выходят на вас. Почему?

Я покачал головой.

– Ошибка. Это я вышел на ЦРУ. После того, как погиб мой агент. Выхода у меня не было, надо было заставить их действовать. И я заставил. МОССАД послал человека, который ходил со мной в один класс. Может, другого не нашли.

– Или искали под вас? – предположил генерал.

– Может, и так.

– Ваш агент. Назовете?

Я назвал. Генерал присвистнул.

– И вы вели его? Один?!

– Так точно. Вспомните Потеева, товарищ генерал. Сколько еще может быть таких?

В этих стенах мои слова, конечно, были наглостью.

⁵ Абу Мусаб аль Заркави (Ахмад Фадель аль-Назаль аль-Халейх) – террорист, исламский экстремист, с самой верхушки «Аль-Каиды», глава иракского отделения «Аль-Каиды», начинал войну еще в Афганистане против советских войск.

– Как вы проводили полученную от него информацию?

– Как полученную от агентов с улицы. На самом деле это была информация глобальных систем перехвата. Американцы скармливали ее нам на реализацию.

– Скармливали? Кто первый пошел на контакт? Вы или он?

– Трудно сказать, товарищ генерал. Я давно присматривался к американцам. Но на контакт первым в общем-то пошел он. Точнее, первым предложил помочь.

Генерал взял паузу, подлил чая в мою чашку. Я в ответ подлил ему.

– Все правильно, – сказал он. – Американцы давно не знают, что им дальше делать. Для кого-то враг есть враг, и уничтожать его надо любыми методами и любыми средствами, пусть даже и нашими руками. Для кого-то нет врагов и нет друзей, а есть лишь интересы. И дестабилизация всего евроазиатского континента чужими руками – приз очень даже существенный, чтобы продолжать игру. Тем более если это приносит еще и деньги.

Откровенно говоря, тут я в душе не согласился с генералом, хотя и промолчал. Мотивация американцев представляется нам именно так, но, на мой взгляд, нельзя подходить к этому так упрощенно. Не надо забывать, что Америка, прежде всего, страна разнообразия. Разные люди, и у них разные интересы. И что самое скверное – американский образ и стиль жизни дает им возможность проводить эти интересы в жизнь. Практически любой высокопоставленный разведчик, любой руководитель крупной корпорации, имеющий возможность нанять наемников, любой влиятельный генерал Пентагона или руководитель предприятия ВПК имеет свою долю влияния во внешней политике. Долю, которую в свое время отобрал у коминтерновских товарищ Сталин – просто физически их уничтожив. А вот в Америке этого не было, и каждый способен и готов действовать так, как считает нужным. И считает, что это правильно. А если тут еще и деньги... Джейк говорил о том, что в спецслужбах существует группа людей, давно и плотно завязанных с исламистским движением. Он, кстати, тоже погиб – нелепо и странно. По виду – в автокатастрофе, но если учесть, что в это же время бомбу в машину подложили и мне... Джейк не был предателем, во многом он был идейным, хоть я ему и платил. Он передавал мне закрытые данные американской разведки об активности джихадистов в Ираке, а мы их реализовывали. Так он мстил. Но теперь его нет – и важный источник данных для нас теперь потерян.

– Джейк говорил о том, что в спецслужбах существует группа людей, давно и плотно завязанных с исламистским движением. Он представлял группу с противоположными интересами.

– И вы вышли с ними на контакт.

– Так точно.

– А МОССАД?

– Они ждут информацию.

– Какого рода?

Я сказал – какого.

– Губа не дура...

Генерал прищурился, прикидывая варианты.

– А что сами планируете делать? – вдруг выдал он.

Да... Наверное, завтра снег пойдет, не иначе. В Ираке, кстати, бывает снег – зимой, в пустыне. Но летом. Это когда же начальство интересовалось у подчиненного, что он собирается делать? Это как так можно? Ведь из начальственного кабинета виднее, что делать, верно?

Я сказал, что собираюсь делать.

– Рискованно, – оценил генерал.

– Но иного выхода нет. Ведь такой пакет информации, который просит МОССАД, я не получу, верно?

– Тоже верно. Что же, это можно принять за основу. – Генерал поднял трубку, набрал короткий, в четыре цифры номер, буркнул «зайди». – Я дам человека в помощь для коорди-

нации действий. В интересах операции, а также для удержания контакта с иноразведками я считаю, что вам пока разумнее действовать в одиночку.

* * *

К вечеру я чувствовал себя как выжатый лимон.

Мой запрос относительно личностей Борека-еврея вместе с его украиноговорящими ухажерами-телохранителями, которые додумались меня похитить от самого американского посольства, переподписали цифровой подписью самого Музыканта и отправили по назначению в Главный информационный центр, созданный для преодоления межведомственной раздробленности. Я отправлял этот же запрос за собственной подписью, но до сих пор ответа не получил. В этот раз ответ пришел через два часа.

Борек – мой бывший одноклассник, а теперь активный участник израильской бизнес-активности – занимался и занимается самыми разными проектами, что указывает на вероятность отмывания денег. С момента алии он (загибайте пальцы): торговал недвижимостью, принимал туристические группы из России, занимался торговлей продуктами питания, тоже с Россией, совершал сделки по купле-продаже драгоценных камней. На него было два сигнала: первый – это когда в 2005-м его имя фигурировало в деле об организованном сутенерстве в Тель-Авиве: группа предприимчивых репатриантов из СССР устроила сеть проституции, в которую вербовали как бедствующих соотечественниц, так и завозили с Украины группы под видом туристок (отдохнешь и заработаешь заодно). Второй раз еще серьезнее – его имя всплыло в расследовании ФБР, связанном с алмазами из Анголы, это был 2011-й. Оба этих случая дали нам, циничным, основание выстроить гипотезу, что в первом случае Борю завербовал Шабак, а в другом – к нему подкатились уже американцы. ФБР просто так свои жертвы не оставляет, тем более если речь идет о связях предполагаемых фигурантов с финансированием «Аль-Каиды». Значит, согласился стучать на американцев. И в связи с этим возникает резонный вопрос: а кого он представляет сейчас? Американцев? Или израильтян? Может, и тех и других разом? Что же касается его сподручного – он единственный, кого я мог опознать. После перебора возможных вариантов я опознал его как Птуха Василия Владимировича, 1986 года рождения, сержанта украинской армии. Его биография – дальше ехать некуда. Проходил службу в Первой аэромобильной дивизии Украины, в ее составе был направлен в Ирак, затем, после возвращения из Ирака и расформирования дивизии, перешел в отряд специального назначения «Беркут», откуда его уволили в 2010-м. А уже в 2011-м украинская прокуратура объявила его в розыск по подозрению в заказном убийстве. Быстрая проверка по базе данных Интерпола показала, что Птух до сих пор числится в розыске.

Дальнейшее не составляло труда додумать. Из Одессы в Хайфу ходят теплоходы, немного денег и – здравствуй, Земля обетованная. Возможно, обзавелся еврейской женой, которая, как известно, не столько жена, сколько средство передвижения. А может, и так приехал. Там, в Израиле, наверняка и вышел на Борьку с его грязными алмазными и прочими делишками. Нужен такому солиднику, как наш Борян, бодигард? Вопросов нет – нужен...

И когда встала задача навести шорох в Багдаде, Птух, скорее всего, подобрал или даже вызвал в Израиль нужных людей и быстро сколотил нелегальную группу. Проблем с этим нет – украинская армия представляет собой нечто такое, что в большей степени существует на бумаге. При том, что они очень активны и в миротворчестве, и в наемничестве. Проблем подобрать людей у Птуха не было.

Размышляя дальше, пришли к тому, что Борян все-таки работает на американцев под израильским флагом. Эта гипотеза объясняет то, как троглодиты Боряна сумели глушануть моего водителя в прямой видимости от ворот посольства США. Возможно, даже не они глушанули, а охранники из Блэкуотерс, заранее проинструктированные – эти тоже работают. Подо-

шли, попросили документы, ударили или прыснули, или «Тазером» ткнули. Эта гипотеза объясняет то, как у Боряна оказалась информация об американском агенте в Москве в самых верхах. Кто-то из ЦРУ ее и сдал через меня – для начала переговоров. Причем кто-то, у кого есть доступ к информации самого высшего уровня. Никакого МОССАДА в схеме нет – одни американцы из двух сцепившихся группировок. Эта гипотеза объясняет то, что и Борян, и Джейк попросили, по сути, одно и то же – двум группировкам нужна одна и та же информация, зачем – непонятно. Но нужна настолько, что ради этого они готовы сдавать сети в Москве. Эта гипотеза объясняет практически все, и потому ее стоит принять за рабочую.

Вопрос в том, что делать дальше.

За основу плана приняли необходимость играть на стороне той группировки, которую раньше представлял Джейк, а теперь представляет приехавший в Багдад церэушник. Может быть, представляет – это мы узнаем по ходу. Для достижения максимального оперативного результата стало необходимым столкнуть эти группировки, с тем чтобы по результатам проявленной активности разматывать этот змеиный клубок дальше. Никакого сочувствия ни по отношению к тем, ни по отношению к другим я не испытывал: я сочувствие в седьмом классе на жвачку «Бубльгум» сменял и ничуть о том не жалею...

Первым делом надо было подготовить наживку – то есть то, что заинтересует обе стороны. По крайней мере, даст повод для дальнейшего разговора. Всю информацию сливать нельзя – тогда разговор на этом и закончится, но часть должна быть. Мы примерно обрисовали, какая именно часть, после чего я посмотрел на часы и обнаружил, что времени уже восемь вечера или два три нуля по армейскому обозначению. Позвонил вниз и нарвался на обиженного Вована, который целый день играл по собственной программе действий и теперь ждал внизу, чтобы сопроводить меня домой⁶.

* * *

Амани приехала раньше меня. На столе меня ждал ужин – баранина, запеченная с травами. Вряд ли она готовила это сама, смысла нет – купила по дороге в знакомой едальне у торговца, может, даже у дальнего родственника. Как-то необычно даже... Я всегда питался сам, тратил на это минимум времени – что приготовилось, то и приготовилось. Или питался в едальнях в городе или в столовой. Приходить домой, когда твоя женщина приготовила ужин, это совсем непривычно как-то.

Я сел, по привычке пробормотал благодарность Аллаху за еду и принялся есть. Амани тоже немного поклевала. Когда я закончил со своей порцией, она смотрела на меня.

– Спасибо... вкусно.

– ...

– Что? – не понял я.

– Я, наверное, плохая жена, да?

– С чего ты это взяла? – не понял я.

– Ты вернулся домой в десятом часу ночи, а я даже не спросила, где ты был. И, возможно, с кем. Потому что знаю – ты не ответишь. А если и солжешь, то вряд ли я пойму. Это ведь не нормально, так не должно быть, да?

Я взял ее руки в свои. Они были холодными.

– Нам не стать обычными людьми, – сказал я. – Тот, кто научился говорить неправду, уже никогда не сможет доверять. Но давай, по крайней мере, попробуем не обманывать друг друга.

⁶ Это постоянное сопровождение кажется диким, но на деле это правильно. Багдад опасный город, а один человек не может одновременно вести машину и стрелять. Поэтому один ведет машину, а другой постоянно держит автомат наготове, это минимальная мера безопасности.

- Хорошо...
- И тогда, может, у нас получится нормальная семья. А?

Ирак, Багдад

28 мая

Утром мы сделали первые ходы в своей игре. Точнее – я сделал.

Первым делом я попросил остановиться у киоска торговца и купил себе телефон. Это был «красный» телефон МТС – именно такой, какой я и должен был себе купить. Купюра в сто динаров решила еще одну проблему – продавец дал мне сим-карту. У продавцов телефонов всегда имеются сим-карты, оформленные на кого-то другого, с этим проблем нет. Я записал номер на листке бумаги и внес пятьсот динаров на счет тут же, не отходя, так сказать, от кассы. Обычно так не делали – вносили куда меньшие суммы. Одна часть наживки была готова: именно так и поступают люди, ведущие двойную игру. Если бы я позвонил со своего телефона, то мне не поверили бы.

Почти от самого здания «Русского дома» я позвонил по номеру, который оставил мне контактер от ЦРУ. Первым наживку должен был схватить он.

– Я слушаю, – все правильно, максимально коротко и никакой информации.

– Надо встретиться, – так же обтекаемо и коротко отозвался я. Если разговор и попадает в сеть слежения, он проигнорируется ею по причине недостатка информации для анализа. По нему сложно даже определить мои первичные данные – национальность, примерный возраст...

– Где?

– Там же, где и прошлый раз. Но не на высоте. Рядом.

– Когда?

– Как можно быстрее.

Церэушник на том конце провода напряженно размышлял. Он понял, что игра пошла.

– Все в порядке? – решился спросить он.

– Не совсем.

Пусть понервничает.

– Итак?

– В четыре часа дня, устроит?

– Более чем. До встречи.

– До встречи. Иншалла...

Первый есть. Телефон я сознательно не отключил, а прошел в здание. Полковник ждал меня в холле.

– Все в порядке? – теперь спросил уже я.

– Да. – Он вручил мне флешку с четырьмя выпуклыми цифрами на корпусе, защищенную, код – два четыре.

– Два четыре. Никакой слежки.

– Ясно, – кивнул он без энтузиазма.

Следить, конечно, попытаются. Но не внаглую. Мне сейчас совсем не надо, чтобы слежка кого-то спугнула.

Я вышел из здания, вернулся в машину. Вован вопросительно посмотрел на меня.

– Давай в сторону Миннефти. Не торопись.

Мы покатали к Тигру. На набережной я скомандовал остановиться, вышел из машины. Достал телефон, набрал еще один номер. Думаете, телефон тот же? Как бы не так. Телефон другой, который, я надеюсь, не засвечен и который я купил не сегодня.

– Алле...

Деревня. Можно выгнать человека из СССР, но не выгонишь СССР из человека.

– Спишь?

- Нет уже. Чего хотел?
- Хотел поинтересоваться, как у тебя с цитрусовыми.
- С чем? – не въехал с утра Борек.
- С цитрусовыми! Ты что, совсем теплый?!
- А, – без энтузиазма сказал Борек, – ну, есть возможность порешать. А много надо?
- Пары кислых хватит...
- Чего?!
- Через плечо. Ищи пару кислых – товар найдется. Отличный товар.
- Молчание.
- Ну, надо посоветоваться. Сам понимаешь, сумма очень крупная.
- Еще бы. И товар под стать. Хочешь убедиться? Подскакивай к университету, я жду там. Перетрем.
- Когда?
- Да прямо сейчас. Опоздаешь – пожалеешь...
- Я отключился и даже аппарат вырубил, чтобы никаких перезвонов, уточнений и всякой прочей ерунды. Глянул на часы – нормально, должны были засечь. Подошел к своей машине.
- Езжай в министерство. И жди меня там, от двери кабинета не отходи. Понял?
- Глупые вопросы я уже давно отучил задавать всех окружающих. Игра началась...

Ирак, Багдад 27 мая

В отличие от своего куратора, оперативники SAD, дивизиона специальной активности ЦРУ, занимающегося грязными, а подчас и мокрыми делами, прибывали в Багдад поодиночке и разными тропами.

Грант Меликян прилетел вполне официально, по своему настоящему паспорту, кружным рейсом, из Еревана в Сулейманию и дальше, в Багдад, региональным рейсом, который проверяют, но не на наличие в нем шпионов. А в Сулеймании, миллионном городе автономного Курдистана, куда летает не так-то много рейсов из других государств, и вовсе не проверили. Грант Меликян был этническим армянином, но не из советской Армении, а из Бейрута, города в Ливане, в котором пятнадцать лет шла гражданская война. Его родители эмигрировали в восемьдесят втором, в то время, когда в Ливане убили Башира Жмаэля, сорвалось перемирие и началась истребительная война всех против всех – на уничтожение. Эмигрировали они не в США, а в так называемую Tri-Border Area⁷, свободную экономическую зону на стыке границ Бразилии, Аргентины и Парагвая. Маленькому Гранту был тогда год, и кошмара Второй Ливанской он совсем не помнил. Родители его, богатые ливанские армяне, отправили его учиться в США. Там мальчиком с явно выраженной арабской внешностью, отличным знанием языков и диалектов Среднего Востока заинтересовалось ЦРУ. Они дождались, пока Грант сделал глупость, а может, и сами подстроили ее, и поставили парня перед выбором: пятнадцать лет тюрьмы или работа на нас. Примерно прикидывая, что к чему, шефы послали его в Армению, на родину, чтобы он там легализовался и получил паспорт. Армяне вернувшемуся брату были рады и паспорт дали. Грант Меликян был старшим из всех, он участвовал больше чем в пятидесяти специальных операциях и даже долго жил в Пакистане, где пытался получать и отслеживать информацию. Сейчас он летел официально – по делам, и оружия у него не было.

Мамука Дадашвили был намного моложе армянского командира группы – всего тридцать один год. Он был сыном горца-крестьянина, в армию пошел от безработицы и бескормицы⁸, проходил службу в Афганистане в составе грузинского «миротворческого» батальона, пострадал при подрыве смертника. Был направлен для прохождения лечения в Рамштайн, в Германию, – к чести США, кровь, которую за их интересы проливали такие страны, как Грузия, они по-своему, но ценили. Там усердно учащим английский грузинским солдатом заинтересовалась военная разведка США...

Мамука работал на американские спецслужбы уже несколько лет, участвовал в специальных операциях, в том числе на территории России, но не засветился, и ЦРУ имело основания полагать, что его фото в досье нет. Но из Тбилиси в Багдад не было прямого рейса, поэтому Мамука летел через Баку. Известный перевалочный пункт для тех, кто отправляется на войну, бакинский аэропорт вот уже лет пятнадцать был своеобразным перекрестком миров. У Мамуки были документы на имя Давида Цодии, представителя компании, занимающейся оптово-розничной торговлей нефтепродуктами. Компанию организовали и содержали грузинские спецслужбы, часть денег давало ЦРУ, которое тоже пользовалось этим ресурсом. В том числе и для борьбы с Россией.

Кевин Этерли был единственным из всех настоящим американцем – ЦРУ просто не смогло подобрать себе профессионального снайпера на стороне и вынуждено было привлечь

⁷ Это место действительно существует, и туда действительно переезжали из воюющего Ливана беженцы, в основном богатые. Сейчас это место – одно из немногих в Латинской Америке, где есть ваххабитские ячейки.

⁸ Сынов первого президента Грузии Цотне Гамсахурдиа назвал грузинский контингент в Афганистане «мона-спа», что в переводе с грузинского – «армия рабов».

соотечественника. И не просто американца, а бывшего снайпера морской пехоты. Он был незаметным, блеклым, неопределенного возраста – ему можно было дать и двадцать пять, и сорок лет, – на деле ему было тридцать девять. Он родился в Миссисипи – штате с, наверное, наихудшим уровнем жизни в США – и относился к тем, кого в Америке презрительно величали «белая шваль». Он любил пиво, но не напивался, слушал громкую музыку, но в наушниках, любил повозиться с техникой, был чрезвычайно вежлив, обращался «сэр» к самому последнему ничтожеству на земле, при этом мог убить его за две секунды и пойти обедать. Он не боялся смерти, не боялся умереть сам и не боялся убить другого. А вот моджахеды боялись его и таких, как он. Боялись до смерти...

Он попал в ЦРУ после того, как влип в историю. Их снайперскую пару высадили в провинции Пактия, в труднодоступном районе у самой границы. Цель – обнаружить и ликвидировать военного амира провинции Мулло Салаказая, который незадолго до этого казнил американского военнопленного и выложил видео на YouTube. По данным ЦРУ, Салаказай находился в этом районе, на неконтролируемой территории, и вместе с ним было от семидесяти до ста вооруженных боевиков. В основном – пришедших, из Пакистана и бывших республик СССР, то есть не афганцев. Он был полным отморожком и почти не подчинялся даже амиру движения Техрик Талибан Пакистан, в котором числилась его бандгруппа.

После тяжелого перехода и двух дней ожидания во враждебном окружении снайперам удалось поймать Салаказая на прицел и сделать по нему выстрел. Но был один нюанс – какие-то ублюдки с верхов придумали правило, согласно которому необходим был материал для надежного опознания. Выглядело это так: после того как снайпер сделал выстрел и все поднялись на ноги, второй номер группы мелкой рысью бежит к пристреленному и сует ему ватку в пасть. После чего с образцом ДНК он бежит обратно и напарники отступают к точке эвакуации. Это был даже не мазохизм, а неизвестно что.

У Этерли была автоматическая винтовка «Mk11 mod0» с глушителем, десять магазинов с патронами к ней, хорошая позиция и некоторое везение. Ради того, чтобы его напарник, сержант Диллон Спейд, мог приблизиться к телу – а дело происходило в небольшой горной деревушке, – он убил сорок три человека, которые преграждали путь товарищу. Сорок три человека, одного за другим. И все бы ничего, да в деревушке на тот момент, как на грех, оказалась германская съемочная группа, прибывшая делать репортаж о немцах, вставших на путь джихада. Прележав больше часа под снайперским огнем, они сделали репортаж об этом, подчеркнув, что многие из тех, кого убили американские снайперы, были безоружны. Наверное, в отношении некоторых из них это было даже справедливо: Этерли стрелял с расстояния 670–720 метров, а на таком расстоянии даже в стандартный десятикратный оптический прицел мало что видишь. Достаточно, чтобы выстрелить, но недостаточно, чтобы понять, что в руках вон у того бородатого – мотыга или реактивный «РПГ». Собственно говоря, они сами были во всем виноваты, те, кто погиб: любой, кто дает пристанище головорезам, отрезающим головы американцам, должен понимать, что отныне он на линии огня. Но вот в Белом доме и вообще за пределами Кабула такую позицию разделяли немногие.

Понимая всю щекотливость ситуации, спецслужбы пошли на крайний вариант – этакий американский армейский сценарий программы защиты свидетелей. В список жертв очередного подрыва внесли и Этерли, а ему дали гражданские документы на имя Кевина Нобла. Поскольку в армии и в корпусе морской пехоты он оставаться уже не мог, ему сфальсифицировали данные о ранении в челюсть, на основании этого сделали пластику и выпихнули из армии – аккуратно в спецгруппу ЦРУ, занимающуюся грязными делами. Те мимо такого кадра пройти не могли...

Его путь в Ирак был долгим и сложным. Он вылетел в Дубай рейсом из Франкфурта – в Германии он находился в состоянии «stand by» – боевой готовности. В Дубае сменил документы и вылетел в Карачи под именем Николаса Норта, британского подданного, инженера. В Карачи пересидел три дня, немного пообвыкся и, еще раз сменив документы, вылетел в Басру

по документам на имя Хасана Талаля, родом из Хомса, гражданина Сирии. Басра была в статусе почти что свободного города. Это была иракская столица нефти, и такой режим, как в Багдаде, здесь устанавливать было нельзя. Зная страну и город, он нанял машину с водителем-бедуином. Эти водители ездили очень хитро, возили запрещенные вещи и нужных людей. Потому что знали, где и когда на постах стоят их соплеменники. С этим боролись, но с тем же успехом можно было бороться с дурной погодой.

Последним в Багдад отправился Чема. Это было его сокращенное имя, настоящее – Хосе-Анхель – мало у кого было желание выговаривать. Он был латиноамериканцем, происходил из очень неприятной, полузабытой сейчас страны под названием Сальвадор. В Сальвадоре в семидесятых и восьмидесятых шла долгая и страшная война с коммунизмом, причем стороны в выборе средств не стеснялись: обе, в том числе и правительство, применяли террор, сжигали непокорные деревни и убивали всех их жителей. В Сальвадоре большую роль в войне играли США, причем открыто – Сальвадор для США стал чем-то вроде латиноамериканского Афганистана тех дней, с той поправкой, что войну они все-таки выиграли. Сейчас вряд ли смогли бы, а тогда в их распоряжении были сотни парней, прошедших ад Вьетнама, готовивших горные племена на отдаленных базах в приграничье, выживавших в порочном и опасном Сайгоне. В Сан-Сальвадоре в восьмидесятых было не протолкнуться от оперативников ЦРУ, все равно что Танг Сон Нат⁹ в миниатюре. А послом там был некий джентльмен со странной фамилией Негропонт. Да, да, тот самый Негропонт, дипломат, не стеснявшийся в средствах, позже ставший одним из влиятельнейших неоконов и «царем разведки». Именно он, по старой памяти и старым связям, предложил привлекать к совсем уж грязным делам сальвадорцев, которые не были гражданами США и которые за двадцать лет поднаторели в пытках и издевательствах. Проблема была в том, что они вошли в регионы, где по-хорошему нельзя было ни с кем и ни в чем, а американцев к пыткам привлекать было нельзя. Местным доверия тоже не было. Вообще ни в чем – американцы это поняли году к 2005-му. Так что привлечение сальвадорцев казалось отличным решением проблемы.

В отличие от остальных, Чеме в Ираке официально появляться было нельзя. Совсем нельзя. Так что он шел очень долгим и очень сложным путем. Прибыл в Карачи, отправную точку многих специальных операций ЦРУ, город, где жили тридцать миллионов человек, и как минимум треть из них – в ужасающей нищете. Там он сменил документы и явился в один из многочисленных офисов, которые вербовали людей на работы. Пакистан, некогда создавший самостоятельно (почти) атомную бомбу и задумывавшийся в семидесятых об исламском варианте социализма¹⁰, теперь если что и экспортировал, так это гастарбайтеров во все страны Залива. Чема явился в офис, где набирали гастарбайтеров на работу в Тегеран, – он был маленький, смуглый, отрастил бороду и никак не походил на белого кяфира. Да там и не разбирались: гастарбайтер – он и есть гастарбайтер. Через Белуджистан их на автобусах повезли в Иран и так довели до Тегерана. Не обыскивали – Исламская республика Иран нуждалась в дешевом труде, поэтому полицейским и стражам на границе было предписано не вмешиваться. Поработав два дня на стройке небоскреба, Чема сбежал, в нужном месте, в тайнике, нашел еще один комплект документов, деньги и поймал машину, идущую в Ирак. На границе тоже не досматривали: смысл?

Так Чема оказался в Багдаде на полулегальном положении и со скверными, если учитывать поставленную русскими работу контрразведки, документами – но все же оказался...

⁹ Танг Сон Нат, аэродром и военная база США в Южном Вьетнаме, по значению сопоставимая с тем, что сейчас имеет Баграм. Это был небольшой город, и там был даже небольшой оружейный завод, который вьетнамцы сохранили и до сих пор гонят карабины «Кольт Коммандо» под обозначением M18.

¹⁰ За это и повесили гражданского премьера Бхутто – он выдвигал программу «исламского социализма». Для США это было смертельно опасно и угрожало в будущем потерей всего Персидского залива, всех стран, где большинство населения исповедует ислам.

Главным среди всех был Меликян, его путь был самым простым, и он прибыл в Багдад первым, потому и занимался обустройством группы. Первым делом он снял два дома, один – в районе Аль-Хамра, второй – в Аль-Вазирии, недалеко от Тигра, в противоположном районе города. Больше снимать не стал, мало ли. Контрразведка может следить и за этим и сделать выводы. Еще он снял номер в отеле «Палестина», куда и заселился. Потом два дня потратил на рекогносцировку: путешествия по городу с двумя камерами, одной обычной и одной скрытой. Скрытая была вмонтирована в оправу очков, она снимала постоянно и передавала отснятое изображение в память мобильного телефона, точнее – мобильного коммуникатора, лежащего в кармане. Вторая камера была самой обыкновенной, «Сони», и ею он снимал то, что могло заинтересовать туриста.

Вторым прибыл Мамука. Он снял себе виллу в довольно богатом районе Новый Багдад – на юг от Багдада на правом берегу Тигра. Подписывая договор, он удивился – здесь эта вилла была как бы для среднего класса, в то время как на его отчаянно нищей родине такую могли себе позволить только богачи. Вроде как они жили правильно, вступили в НАТО, правда, в качестве ассоциированного члена (это значило, что за них НАТО впрягаться не обязано), и стали кандидатами на вступление в Евросоюз. Но жили бедно, в горах даже и недоедали, годами не видели мяса. В то же время здесь, при диктатуре и нарушении прав человека, жили богато, и это не говоря о России. Была в этом какая-то глобальная несправедливость.

Чема и Кевин прибыли последними и ничего не сняли. Потому что контрразведка не может не интересоваться теми, кто снимает жилье, особенно если они откровенно не местные. А если не контрразведка, то заинтересуется полиция. И они запалются с самого начала...

Затем Мамука и Меликян начали покупать автомобили. Их в Ираке было полно, торговали ими примитивно, как в Штатах, но много. Обычный дилерский центр в Ираке представлял собой засыпанную щебнем площадку, огороженную «ураганным забором», или, по-простому, сеткой рабицей, и там же был вагончик с торговцем. Ирак до недавнего времени не имел собственного автопроизводства и таможенных пошлин на ввоз машин – потому подержанных авто в стране было полно: китайские, корейские, американские, встречались и русские. Машины и бензин были очень дешевы, их мог себе позволить и студент, и бомбист-самоубийца. Они купили два микроавтобуса («Санг Йонг» и китайскую копию старой «Тойоты»), два китайских пикапа, микролитражку «Датсун», которую можно было перекрасить под такси, и тяжелый, иранского производства, «Ниссан» – единственную машину, за которую они заплатили заслуживающие внимания деньги. Затем Меликян и Чема взяли по машине и отправились на поиски авторемонтной мастерской, где могут вварить короб, достаточный для того, чтобы в нем мог бы спрятаться человек, – такая просьба в Ираке никого не удивляла и без проблем выполнялась – плати деньги, и вообще не будет никаких проблем. Кевин и Мамука взяли китайскую «Тойоту» и отправились в город, где Мамука торговал на оптовом складе некоторое количество самого дешевого и непритязательного детского китайского шмурдяка¹¹. Проблем с этим не было – за пределами Тбилиси практически все одеваются на стихийных рынках в шмурдяк, потому что денег нет. Этот шмурдяк, пахнущий мерзкой китайской химией, они загрузили в машину и отправились дальше...

Они поменялись местами – теперь за руль сел Кевин. Молча тронул машину с места.

– Куда мы?

– В одно хорошее место...

Кевин бывал в Багдаде и знал, что оружие здесь купить не проблема, скорее наоборот. Почти каждый владелец продуктовой лавки, торгующий оптом рисом и мукой, продает и оружие: в мешках его проще провозить через посты. После того как американцы разгромили открыто торгующие рынки, торговля стала децентрализованной. Ее подпитывало и то, что

¹¹ Китайские носильные вещи, чаще всего трикотажные.

иракские полицейские и военные в то время, едва подкормившись и получив некие навыки, убегали, прихватив с собой оружие, и толкали его налево. А курды и вовсе считали себя самостоятельными, без возражений со стороны войск Коалиции покупали себе оружие и потом большую его часть нелегально сбывали. Американцы думали, что курды строят государство в европейском понимании, а на самом деле те просто зарабатывали на всем, на чем могли, не имея ни грамма совести.

Он читал досье по обстановке в стране перед тем, как сюда отправиться, и знал, что сунниты находятся в вооруженной оппозиции, а шииты и курды – у власти. Значит, в суннитские лавки можно не заходить, а вот в шиитские или, еще лучше, курдские – добро пожаловать. Власти должны были прижимать нелегальную деятельность суннитов, но не трогать шиитов и курдов. Другим – все, остальным – закон, так живет весь Восток. А опасности для государства в том, что шииты и курды торговали оружием, не было – суннитам они и так не продадут. На самом деле не продадут – кто же продаст оружие тем, кто будет стрелять из него в них же? Так что в шиитской лавке он мог рассчитывать найти то, что ему нужно...

Такую лавку он нашел на левом берегу Тигра. Судя по стоящему перед лавкой новенькому русскому «КамАЗу» и размерам самой лавки, хозяин отнюдь не бедствовал.

С «КамАЗа» выгружали мешки. Кевин подошел, прикрывая лицо куфией, поздоровался.

– Ас-саламу алейкум. Где хозяин?

– Мюдюр¹²? – переспросил один из грузчиков и указал на здание: – там, там...

Этерли вошел в здание. Мешки располагались на примитивных, но прочных стеллажах, сваренных местными по образцу таких, какие применялись американцами в своих логистических центрах. Хозяин – коренастый, бородатый, с глазами-маслинами, с планшетником в руке (примета нового времени) – настороженно посмотрел на вошедшего.

– Ас-саламу алейкум.

– Ва-алейкум.

– Мое имя Кусай. – Кевин переименовал себя арабским именем. – Мир вашему дому и удачи вам в делах. Пусть Аллах приведет в порядок дела ваши и не оставит он вас своей щедростью.

– И тебя, незнакомец, да не оставит своей милостью Аллах Всевышний, пусть он поможет тебе в пути. Что ты хочешь купить?

– То, чего нет на полках...

– Таким мы не торгуем...

Этерли усмехнулся.

– Да что ты говоришь. Может, позовем полицию и проверим, а? Мне надо купить, мужик. Не заставляй меня ждать.

Хозяин как-то воровато оглянулся. Страх и жадность – два спутника торговли, два верных слуги шайтана, толкающие человека на путь греха. Этого он не знал, и он явно был не из их народа, и скорее всего не багдадец вообще. Хотя и говорил, как говорят местные. Но товар был, его надо было продавать, иначе торговля не покроет издержки. А он недавно получил новую партию товара, и надо было ее сбыть. Пока не нагрянули.

– А у тебя есть деньги?

– Есть ли у меня деньги? Это ты меня спрашиваешь?

Хозяин понял, что вопрос в самом деле глуп. Это контрактник, или наемник, или еще кто. В любом случае – не араб. И деньги у него есть.

– Иди за мной.

¹² Судя по всему, американец натолкнулся на иранских азербайджанцев. В самом Иране, на севере страны, их не менее двух-трех миллионов, в Иране они находятся в подчиненном положении. Поэтому вполне могли переселиться в Ирак, более многонациональный.

Они прошли в закуток в углу склада. Хозяин выгнал дежурившего тут мальчишку.

– Что тебе надо купить?

– «АК-47» есть?

Теперь настала очередь покровительственно улыбаться хозяина.

– Ты задаешь глупый вопрос, незнакомец, здесь они есть у всех.

– Какие?

– Можно русские. Можно румынские. Можно египетские. Можно эфиопские. Можно китайские. Русские дороже всего...

– Покажи...

– Покажи сначала деньги, чтобы я знал, что с тобой можно иметь дело.

Этерли достал тонкую пачку банкнот, пробежался пальцами по краю. Банкноты поддались, как колода игральных карт, – что и неудивительно, материал-то почти тот же.

– Тогда пошли...

Торговец провел американца по складу. Безошибочно выбрал нужный ряд, разрезал нить, которой был зашит мешок, и выдернул ее. Порывшись в просе, достал большой пакет из толстого полиэтилена, распорол его ножом.

– Русский автомат. Такой же, как у русских, – отрекомендовал товар торговец.

Американец взвесил автомат в руках. В США его называли «черный калашников» – серия сто, она и в самом деле вся черная, деревянные детали заменены пластиком, приклад складывается на всех автоматах, при этом он не менее удобен, чем стандартный. Этерли наскоро разобрал автомат, собрал, передернул затвор, щелкнул. Все работало.

– Магазины?

– Четыре в комплекте. Остальное купишь на рынке.

– Патроны?

Торговец с улыбкой покачал головой.

– Чего нет, того нет, эфенди. Зайди на рынок, там сколько надо купишь.

Вероятно, он не врал. Мера предосторожности разумная – если продавать одновременно оружие и патроны, то не каждому захочется платить за товар. Да и разборки прямо под дверью тоже никому не нужны.

– Сколько?

– За один со всеми принадлежностями – пусть будет три, эфенди...

– Немало. Три тысячи динаров за это? Он даже не русский, будто я не знаю клейм.

– Три тысячи долларов, – поправил торговец.

– Долларов?! – изумился Этерли. – Да ты шутишь.

Он знал цены. Когда они заходили, автомат стоил менее ста долларов. Дезертировавшие из армии Саддама солдаты часто просто меняли оружие на мешок дешевого пшеницы или риса. Потом цена подскочила до ста пятидесяти долларов, а когда Этерли работал здесь, она была уже триста-четыреста долларов за ствол. Но три тысячи?

– Аллах свидетель, ты меня грабишь. Он не стоит и десятой части названной тобой цены.

– Это новое оружие, оно прослужит тебе долго, – сказал торговец. – Я знаю, что цена намного больше той, какая была, когда вы были здесь, американец. Но жизнь дорожает и смерть тоже...

– Пятьсот, – решительно заявил Этерли.

Самое сложное было купить подходящую снайперскую винтовку. Среди солдат удачи и боевиков «Аль-Каиды» большим успехом пользовалась винтовка «ПСЛ» (Дракула) – румынская, по виду похожая на «СВД», но на деле – клон автомата Калашникова. Контрактники предпочитали ее, потому что ввоз «СВД» в Штаты был запрещен, и эта винтовка была самой дешевой снайперской среди винтовок комболо (если не считать откровенно устаревших винтовок «Мосин-Наган»), террористы использовали «ПСЛ», потому что она была доступна, непри-

хотлива, позволяла использовать патроны самого ужасающего качества, и их было много. ЦРУ закупило несколько тысяч таких винтовок для сирийской вооруженной оппозиции, закупки делались и для Афганистана. Но «ПСЛ» едва-едва добирала до пятисот метров, и боец, вооруженный ею, был скорее марксманом, назначенным стрелком, а не снайпером. Не подходила и «СВД» – из этой было реально работать до семисот метров, если качество сборки нормальное. «СВД» производилась в Ираке под названием «Эль-Кадиссия», но у нее качество было откровенно плохое.

На Востоке торговля устроена так, что если у торговца нет чего-то – он может продать то, что есть у других, а потом сам расплачивается с владельцем. После недолгого торга Этерли стал обладателем приличной сербской «болтовой» винтовки «Застава», сильно похожей на винтовки Ultima Ratio и последние модели «ремингтонов» своим скелетным прикладом. Эти винтовки Ирак закупал для своей армии, они использовали стандартный снайперский патрон 7,62 русский с рантом, но благодаря тяжелому стволу и отсутствию автоматики с ними можно было попробовать и дистанцию в тысячу метров. За эту винтовку не жаль было заплатить и пять тысяч, тем более что к ней в комплекте шел приличный германский, а не китайский, как часто бывает в таких случаях, прицел.

Гранаты, магазины и патроны они решили купить на следующий день. И разузнать на рынке, нельзя ли изготовить глушители на автоматы – примитивные глушители джихадисты освоили еще в Сирии и теперь делали в каждой мастерской. С покупками они вернулись на базу, где их уже ждал приехавший из Штатов куратор.

* * *

В свою очередь Подольски был совсем не в восторге от того контингента, который направили ему в помощь. Как минимум двое – точно не американцы. Скорее всего, служащие контингента в Афганистане, Ираке или где там – мелкие страны были исправными поставщиками пушечного мяса на маленькие и грязные войны. Посольство США в том же Тбилиси было больше рекрутинговым центром, нежели посольством. Но с этими могут быть проблемы: их поступки непредсказуемы, они могут выйти из-под контроля в любой момент. Еще один – явно латинос, таких уродов полно во всяких центрах дознания. Их можно встретить в тайных тюрьмах по всему миру, к сожалению – все больше и больше их в армии США. Латиносы отличаются жестокостью. Часто немотивированной, вспыльчивостью, показушностью. Крайне скверные черты характера для разведчика. Похоже, доверять тут можно только одному – явно американец, скорее всего, специалист. Учитывая специфику группы, вероятно, точный стрелок, снайпер...

– Кто старший?

– Я, сэр, – сказал один из сидевших в гостинной людей, темный и носатый, сильно похожий на араба. Но вот борода у него подкачала – у арабов намного гуще...

– Наша цель.

Подольски передал ролик, смонтированный из подходящих отрезков, снятых им скрытой камерой при встрече с русским. Данные выгрузили, почистили, смонтировали. Такого рода опознание намного лучше, чем по фотографии или тем более по фотороботу. Человека мы видим в движении, запоминаем его манеру двигаться, характерные жесты, пластику, осанку. Потом знакомого мы можем отличить в толпе, со спины – на подсознательном уровне.

Мобильный коммуникатор пошел по рукам.

– Кто он?

– Русский. Работает здесь.

– Гражданский или военный, сэр?

– Мы не уверены. Скорее контрактник. Специалист по безопасности. По-нашему – senior military adviser.

– Он опасен?

– Мы считаем, что да, опасен. Следует считать, что он постоянно вооружен и владеет оружием не хуже любого из вас.

Исполнители смотрели ролик. Передавали дальше.

– Его нужно ликвидировать?

Вопрос не в бровь, а в глаз. Когда-то давно – так давно, что эти времена не помнят даже старожилы ЦРУ, – эти вопросы именно так и решались. Но теперь, даже если ты стоишь в сторонке, то рискуешь, что это шарахнет тебя по башке через несколько лет.

– С ним нужно поговорить. Желательно там, где нам не будут мешать.

– Поговорить, сэр? А дальше?

– Черт возьми, а дальше будет дальше! – психанул Подольски. – Мы только начинаем игру! Будьте готовы, не помешает коридор для отхода – Иордания или Кувейт.

– Лучше Сирия, сэр. Там легче сейчас спрятаться.

– На ваше усмотрение. Но вы должны быть готовы действовать через сорок восемь часов.

Исполнители снова переглянулись...

* * *

Ночь Подольски провел на территории посольского компаунда. А утром события понеслись вскачь.

Когда позвонил русский, Подольски как раз завтракал в кафе, попросил себе яичницу из пяти яиц и кофе. Много кофе. Звонок русского был неожиданностью – не доев, он схватил телефон, на который прошел звонок, и бросился к зданию, где находилось помещение станции ЦРУ в Багдаде.

* * *

Срочный запрос из станции в Багдаде поступил ровно через шесть минут после того, как звонок был обработан, система нашла его через семь с половиной, после чего исходные данные были автоматически переброшены с первого уровня на третий – серьезная опасность – и переданы в обработку. Система автоматически определила соту, откуда был сделан звонок, и номер, после чего еще одна программа вторглась в массив данных русской сотовой компании МТС. Наученные горьким опытом, сотовые компании уже не пользовались облачным хранением данных, но это не спасло. Для систем электронного проникновения, созданных спецслужбами США, никакая программа не была помехой, ведь их создавали те же самые программисты, что и эти программы. «Майкрософт» вообще давно и плотно сотрудничал с государством – в восьмидесятые он получал деньги от госзаказа и теперь не забывал об интересах нации. Все остальные деятели IT-индустрии – разработчики ПО для сотовых телефонов, мобильных коммуникаторов, организаторы социальных сетей – также не могли отказать спецслужбам, ибо первый же отказ мог лишить их денег инвесторов и создать серьезные проблемы. Америка стала лидером компьютерной революции и теперь в одиночку пожинала плоды этого. Просчиталась она в одном – могла слушать телефон человека, смотреть его переписку, следить за ним, но она не могла угадать, что может возникнуть в воспаленном мозгу джихадиста, какая мысль – если он и сам этого не знал.

Телефон засекли через три минуты: владелец отключил его, но не вынул сим-карту, и тот продолжал посылать сигналы и откликаться на сервисные команды владельца сотовой сети – или того, кто выдавал себя за него. Эти данные тоже передали в Багдад.

* * *

Багдадская станция ЦРУ была одной из самых новых. Новое здание было введено в 2008-м, уже после начала GWOT и активного использования БПЛА. Именно поэтому главной здесь была не комната для совещаний, а просторный, с высокой крышей зал с десятками мониторов, на которые выводились данные со спутников и БПЛА, действующих в регионе. Сейчас, конечно, было не то, как тогда, когда над Багдадом могло находиться до трех десятков БПЛА, но за происходящим следили с не меньшим интересом. Русские! Как в старые добрые времена холодной войны, о которых трепались старики, когда им противостоял сильный противник, когда в каждом приходилось подозревать врага. Но при этом ты шел на встречу с активом и не думал, что он подорвет тебя поясом смертника.

Спутник – кодовое имя «Сигма-5» – один из новых, универсальных приборов, эксплуатирующихся совместно ЦРУ и Министерством обороны, – начал наведение на цель. Стремительно приближалась картинка – новые спутники могли обеспечивать передачу на порядок лучшего изображения, поэтому от надвигающейся земли захватывало дух. Казалось, что они стремительно падают из космоса на землю...

– Есть наведение, – сказал оператор. – Первичные координаты подтверждены.

Вот уже видна темная полоска Тигра, с ее загибом, который остряки называли исключительно нецензурными словами. Это Багдад.

– Есть цель. Отстраиваемся.

– Она у самой воды.

Спутник все увеличивал приближение. Вот уже виден поток машин.

– Так и есть. Они вывернули на набережную, – сказал Рафф Эйдел, начальник станции ЦРУ в Багдаде.

– Белый «Ниссан», – отозвался Подольски. – Похоже на правительственную машину.

– Такие же используют русские, – заявил Рафф. – Джи, нельзя ли показать номер?

– Пока нет, сэр, – отозвалась девица. Она была венгеркой, поступила на какой-то гуманитарный грант в американский университет, потом пошла в ЦРУ, чтобы заработать на гражданство. В Багдаде за ней волочилась половина посольства.

– Все-таки попробуй.

– Он останавливается, – резко сказал Подольски.

Белый коробок притормозил у тротуара. Американцы следили за происходящим до рези в глазах.

– Вышел. Черт, телефон.

– Джи?

– Активности нет.

– Другой телефон, – сказал Подольски. – Он не идиот.

– Включает.

– Джи, можешь перехватить сигнал?

– Постараюсь...

Русский уже держал трубку у уха и что-то говорил.

– Джи, ну что там?

– Сэр, есть исходные данные для построения фоторобота, – заявил другой оператор. – Немного, но есть.

– Действуй.

– Готово, – заявила девица.

– ...А много надо?

– Десятка кислых хватит...

– Что?!

– Через плечо. Ищи десяток кислых – товар найдется. Отличный товар.

Молчание.

– Ну, надо посоветоваться. Сам понимаешь, сумма очень крупная.

– Еще бы. И товар под стать. Хочешь убедиться? Подскакивай к университету, я жду там. Перетрем.

– Когда?

– Да прямо сейчас. Опоздаешь – пожалеешь...

– Он отключился, – сказала девица.

– Сэр, есть фоторобот.

Подольски глянул мельком. Несмотря на то что данных было немного и трехмерная модель лица вышла искусственной, все равно узнать было можно.

– Он?

– Да. Точно, он.

– О чем он говорил? Кислый?

– Кислый – это лимон, – со вздохом сказал бывший начальник московской станции. – На русском сленге – один миллион. Он хочет продать что-то и получить десять миллионов.

– Десять миллионов чего?

– Скоро узнаем. Думаю, не динаров.

– Что он делает?

– Так... Сукин сын. Он достает аккумулятор. Из телефона. Вот ублюдок.

На экране это отлично было видно.

– Джи, мы можем его держать?

– Пока да, сэр.

Мало кто знал, что в любом телефоне помимо аккумулятора была и батарейка, которая отвечала за питание тех частей памяти телефона, которые нельзя было отключать, – например, дату и время. Но не более того. Чтобы обезвредить телефон, надо было достать и сим-карту.

– А слушать?

– Нет. Слушать мы не можем.

Спецслужбы обладали технологией, позволявшей дистанционно снимать информацию с мембраны аппарата сотовой связи, даже если он выключен, но только не в том случае, если вынут аккумулятор.

– Так, он отпускает машину. Да, машина пошла. У нас есть кто-то в городе?

– Да, сэр, – отозвался стоящий за спиной сотрудник станции. – Это же совсем рядом.

– Поднимай всех, – не оборачиваясь, сказал Рафф. – Начинайте слежку. Мы наведем вас.

– Есть, сэр.

– Он ловит такси.

* * *

Борек появился довольно быстро, видимо, я поднял его на ноги. Он прикатил на белом «Лексусе-470», дорогом и проходимом внедорожнике, одном из тех, которые предпочитают арабские шейхи. Он без проблем прошел посты, а университетский городок охранялся, и я специально назначил встречу здесь, чтобы посмотреть, как у него с документами. Нормально! Подкатил ближе, пиликнул мелодичным сигналом, представлявшим собой заставку от одной из наших.

Я подошел к машине. С переднего пассажирского вылез тот здоровяк украинец, заступил мне дорогу. Был он мрачен, как туча. Может, у Борька с деньгами напряг. Могу исправить, если что.

– Руки в гору.

Я поднял руки.

– Где музыке¹³ обучился, Вась, – спросил негромко. – У тех, кто тебя на заказуху подписал, а потом подставил? Могу помочь в твоей беде.

Украинский наемник ничего не ответил – обыскал, мрачно посмотрел на меня, пихнул.

– Иди...

– Мы с тобой одной крови, брат, ты и я, – сделал второй намек я, садясь в машину. Даже если сейчас послание не достигло цели, все равно он будет думать. Если даже не захочет – все равно будет думать. Это будет грызть его изнутри, напоминать о себе в самое неподходящее время. И рано или поздно догрызет. Как-то раз я прочел в одной книге простую, но очень глубокую мысль: «Никто в целом свете не знает, каково на самом деле быть дурным человеком». Это и в самом деле так. Быть дурным человеком – значит постоянно противостоять системе, помнить об опасности, не спать по ночам, ждать стука в дверь, подозревать всех и во всем. Ты уже не можешь ничего сделать просто так: просто устроиться на работу, просто получить деньги через перевод, просто познакомиться с кем-то, просто снять жилье. Ты противостояшь системе, которая холодна, равнодушна, никогда не спит и готова в любой момент сработать на первую твою оплошность – как настороженный под снегом капкан. Долго жить так невозможно. На этом, кстати, базировалась наша стратегия на Кавказе, на этом базируется наша стратегия здесь – постоянное, непрекращающееся давление на бандподполье, удар за ударом в сочетании с регулярно объявляемыми амнистиями и готовность простить – только выйди с нелегального положения, публично порви с бандподпольем, а еще лучше – принеси нам в подарок голову своего амира. То, что перед глазами вполне реальный выход – пойти и сдаться и остаться в живых, разлагает бандподполье почище, чем вся эта пропагандистская муть. Тяжело жить на нелегальном положении, тяжело быть дурным человеком. И Вася, бывший боец миротворческого контингента с Украины, это знает. Теперь и он задумается.

А вот Борек нервничает. И сильно, это видно по его поведению. Он еще на заре своей (и моей) юности не умел держать себя в руках. И язык за зубами держать не умел – я помню, как бил его головой об унитаз после того, как он распустил его в неподходящем месте и в неподходящее время. Думаю, что и он помнит, гаденыш.

– Что тебе надо?

Я с комфортом усаживаюсь на королевское сиденье «Лексуса», не торопясь подстраиваю под себя блок кондиционера, создавая индивидуальный микроклимат. А он пусть и дальше психует.

– Как говорили в одном советском мультике – шоколаду.

– Слушай, хватит ля-ля, – Борек решительно выкручивает рычажок моего кондиционера. – Достал со своими замутками. Что у тебя есть? Да – да. Нет – нет. Может, я не к тому обратился? Может, ты тут на побегушках: подай, принеси, пошел вон? Тогда выметайся из машины.

– О, какие слова! Эмоции так и брызжут. Очень может быть, – невозмутимо отвечаю я, не давая перехватить контроль над разговором. – Иди, обратись к кому другому. Только не удивляйся, если потом окажешься в тюрьме Абу-Грейб петухом в общей камере. Лады?

И тут же, меняя тон, добавляю:

– У тебя сегодня джекпот, дружище. Больше, чем ты можешь себе представить.

Борек недоверчиво смотрит на меня. Я облизываю губы, как человек, у которого не все в порядке с совестью.

– Ты о чем?

– О том, что мне пора пятки смазывать. Пока веревку не намылили. Еврейская жена есть?

¹³ Блатной жаргон.

Борек недоуменно смотрит на меня.

– Найдем, если надо. А тебе чего, та палестинская б... надоела?

И ведь чуть не пробил, гаденыш. Возможно, сам даже того не желая – просто дав волю полета своей мелкой в общем-то и хамской душонке. Никак не рыцарской душонке советского разлива негодяя и хама. Способного написать анонимный донос, подставить ни за грош, мелко (именно мелко) пакостить годами, походя обдаться грязью женщину, пускать слухи, по мелочи, но постоянно воровать, предать. Все-таки как ни крути, а Борек – мразь, мразь самая настоящая. В глубине души своей мразь. Мелко плавает. И самое худшее, когда такие вот мелкие и гнилые люди приобретают власть над остальными. Это хуже, чем когда власть над людьми приобретают монстры типа Саддама.

Но нет, Борек. Меня даже и так не пробьешь. Наверное, потому, что я знаю, кто ты есть и чего от тебя ждать. Разочароваться можно в близких людях. Предать может только тот, кто когда-то был верным. Ты не был ни близким, ни верным. И можешь только нагадить.

– Нет, – спокойно отвечаю я. – Просто еврейская жена – не роскошь, а средство передвижения. Помнишь еще. Так что – найдешь?

Ты, да с твоими выходами на организованную проституцию, да не найдешь?!

– Найдем, – отвечает Борек. – Если надо. А что стряслось-то?

– Говорю же, пятки пора смазывать.

Это вторая часть нашей игры, тщательно продуманная. Еще пару дней назад в Ар-Рутбе было подано и пошло по инстанциям заявление, касающееся недавней перестрелки, в которой участвовали русские. Точнее, которую спровоцировали русские и в которой погибли граждане Ирака, в основном бедуины. Одновременно с этим наши агенты запустят слух, что бедуинские племена горят жаждой мести за своих убитых сородичей. Это, кстати, не шутки, для меня это очень опасно. Если пойдут слухи – а они пойдут, – бедуины обязаны будут мне отомстить, даже если изначально и не помышляли ни о чем подобном. Просто иначе они потеряют намус – авторитет и уважение в глазах соплеменников. Так что, как только все это закончится, мне придется искать представителей, авторитетных бедуинов, и вести с пострадавшими племенами переговоры о дийа, выкупе за кровь. Это если я останусь жив после всей этой терки...

Но всего этого достаточно для того, чтобы мной заинтересовались. И достаточно для того, чтобы я принял оправданное в глазах других решение смотаться из страны. Тем более что я в денежных делах не совсем чист, а в таких ситуациях каждое лыко в строку идет.

А куда сматываться, если не в Израиль?

Я наклоняюсь вперед, меняю тон на интимно-доверительный.

– Короче, извини, братан, что я на тебя наезжал тут, о'кей? Нервы... Тут и устрица озвевает, от этой арабни поганой. Короче, на меня заяву тут кинули, твари, надо сматываться. И как можно быстрее. То, что ты меня просил, я сделаю. Но есть еще кое-что. Я сделал копию нашей базы данных. Всей базы. Как чувствовал, что придет пора валить отсюда по-скорому. Короче, десять лимонов...

Борек выпрямляется на сиденье.

– Чего?!

– Десять лимонов гринов, брат. Но дело верное. Вот, держи...

Я снимаю с цепочки на шее флешку и отдаю Боряну. Здесь – разработанная нами приманка, над которой мы корпели несколько часов. Мы решили главную проблему – как не выдать того, что просит этот козел, и в то же время сделать приманку реально лакомым куском. Ответ – повесить ставки. Полная база данных! Джеппот любой разведки! Не может быть, чтобы не клюнули, твари...

– Код – четыре два. Смотри осторожно. Это – демоверсия. За полную базу – десять лимонов, конкретно, без торга.

Борян с сомнением смотрит на флешку.

– Да ты охренел. Десять лимонов – тебе никто столько не заплатит.

– Заплатят, брат. Ты своим, на бульвар Саула, передай, а дальше – пусть думают. Жираф большой, ему видней. Скажи сразу – без кидка. Деньги, конечно, в Швейцарию, но я-то в Израиле буду. Если чего – помогу с расшифровкой. К тому же – я постучал пальцем по виску – у меня тут тоже немало сохранилось такого, что ни в одной базе не найдешь. Я и по Кавказу, и по Средазии, и здесь работал – работал, брат, а не в офисе с кондеем пенсию высиживал. Если мои условия будут приняты, я готов с вами работать – по чесноку. Чем смогу – помогу. За отдельную, естественно, плату. Пусть думают. Это вас, если что, с лица земли сотрут.

Борян смотрит на меня, на флешку, потом снова на меня. Видно, что он от этой ситуации не в восторге и что флешка жжет ему руки. Он уже соображает, что я во что-то вляпался, во что-то серьезное, если мне надо срочно уносить ноги из страны. И что если он примет мои условия – вывозом тоже придется заниматься ему: инициатива, как всегда, поимела своего инициатора. А я хрен знает, в какую кучу дерьма вступил и чем это грозит. Хрен знает, кому дорогу перешел, но понятно одно: это крайне опасно. Люди тут – отмороженные на всю голову. И если что, если я даже не вру – один хрен. Выцепят, вывезут в пустыню, будут пытаться. Потом пулю в башку и бросят. А подыхать по-любасу неохота – что за правое дело, что за левое.

– Ты где влип? – наконец спрашивает Борян, и тут ему приходит в голову мысль, что я без тачки, а это совсем нехорошо. – Ты что, в розыске?!

– Пока нет. Но скоро буду, – заверяю его я.

– Что произошло? Ты понимаешь, меня спросят об этом.

– Да, чтоб тебя... На границе цель работали, началась перестрелка. Не по-детски пострелялись, трупов выше крыши. Бедуины из серьезного рода-племени, конкретные. Эти твари накатали на меня заяву. Рафикат, гад, решил выслужиться перед племенами, устроить показательную порку – и дал делу ход. Точнее, еще не дал, но мне стукнули, что даст, это уже решено. Он приезжал к нам, базарил с нашими старшими, те решили меня слить, как дерьмо в сортире. Сами с моей руки жрали, а теперь сдать решили. У-у-у, скоты...

Тем, кто жил в России в девяностые, это понятно и до душевной боли знакомо.

– Но дело не в этом. Если бы только в этом – хрен с ним, откупился бы. В крайнем случае – купил бы билет на самолет, и ищи ветра в поле. Устроиться найду где – руки есть, ноги есть, башка варит. Хуже другое – эти твари мне кровную месть объявили. А ты знаешь – отморозки эти не шутят, где угодно достанут. Поэтому мне ксива новая нужна, конкретно чистая. И вид на жительство – там, где не достанут. Даже не обязательно в Израиле. Если я буду омрачать своим присутствием – не вопрос, я в Панаму, скажем, уеду. Но по израильскому паспорту, чистому и с баблом. Это не обсуждается. Если нет – пролетай мимо, найду другого. Попробуешь кинуть – кончу, ясно?!

Перебарщиваю? Нет, не перебарщиваю – в самый раз. То самое – сочетание глубокой неуверенности в себе, беспокойства, вызова, надрыва. Типично советско-пацанское поведение, которое я терпеть ненавижу. Поведение человека, который все делает не для себя, а для других, с вызовом. Голодное детство по подвалам и пропахшим потом качалкам оборачивается дикими загулами в ресторанах, куда ходят не как нормальные люди – поесть, а себя показать. Нищета родителей оборачивается «шестисотыми» «Мерседесами» с позолоченными дисками, которые покупают не для того, чтобы ездить, а для того, чтобы остальные видели – я могу! Вот я какой! Нормальный разговор превращается в базар, где каждый пытается «поставить себя» вместо того, чтобы спокойно искать общие интересы. Вместо уважения к другим людям – хамский вызов. Вместо переговоров... Вы слышали когда-нибудь разговор двух постсоветских бизнесменов на отдыхе? Обсуждаются какие-то дикие, совершенно нереальные прожекты, и весь этот треп – не для того, чтобы что-то реально сделать, а чтобы показать свою крутость. На «слабо» у такого идиота довольно просто выманить значительную сумму денег – он вложит их в конкретную фикцию просто для того, чтобы не терять уважение к себе самому.

И все это для того, чтобы скрыть, что ты такой же Вася, Петя, Боря, пацан из нищего двора советской пятиэтажной хрущобы, плохо учившийся в школе и до сих пор ничего из себя не представляющий. Всё развитие, должное для того, чтобы тебя уважали, заменяется на «ндрав у меня такой! А ты уважать должен!». Я давно переступил через это. Борек, скорее всего, нет.

Теперь Борек немного приходит в себя и перехватывает нить разговора, которую я ему в общем-то и отдал. Молоток, брат...

– Ну, ты знаешь, такие дела с кондачка не решаются. Десять лямов...

– Десять лямов. Поверь, это стоит того. Твоих – два.

Глаз моментально загорается.

– Пять!

Как же ты предсказуем, Борек. Ну нельзя же так.

– Беспределишь.

– Нормально. Договариваться – мне.

– Три. Больше не дам. Лимон наличкой, остальное – перевод на счет, который укажу, ясно? И без кидка.

– Тогда из ляма половина – мои.

Вот же свинтус... Это, кстати, еще одна проблема «советских пацанов», к которым я, слава богу, себя не отношу. Их вечная готовность кинуть. Кого угодно. Когда угодно. Как угодно. Любого друга. Любого человека, которому ты по гроб жизни должен. Вот этот вот свиненыш выехал из ненавистой быдлорашки в Землю обетованную, но в глубине души остался такой же мразью, которую не переделает ни эмиграция, ни что-либо другое на свете. Израиль, или кто там его нанял, он предает так же обыденно, как и всегда – мгновенно, не испытывая никаких угрызений совести. Ни в одной стране, где был, я не видел такой мерзости. У иракцев такого и близко нет, ни капельки, несмотря на их пристрастие к взяткам, которые здесь называются «бакшиш». Когда ты нанимаешь человека, то совершаешь некую сделку купли-продажи, нанимая его защищать свои интересы. И ожидаешь, что сделка будет выполнена и с той и с другой стороны. Но с такими, как Борян, с вырвавшимися на свободу капиталистического Эльдорадо пацанами воспитания раннего постсоветского капитализма, подобные сделки бессмысленны. Их нельзя нанять. С ними нельзя иметь никаких дел. У них нет верности – ни на грамм. Они всегда будут защищать свои и только свои интересы, воспринимая те деньги, которые ты им платишь, как жалование или как гонорар – как нечто само собой разумеющееся, что ты им «по жизни должен». Это, видимо, наследие рэкета. А вдобавок они еще заработают на тебе сколько сумеют, предавая и кидая, продавая базы данных конкуренту, шпию, сливая клиентов, беря откаты. Они не испытывают никакого раскаяния, даже когда ты их ловишь за руку – только злобу на тебя, что ты их поймал, готовность вцепиться в руку кормившую и рвать зубами за свои интересы. Они моментально вступят в союз против тебя с самым твоим злейшим врагом – мстить. То, что они по любым понятиям не правы, их ни на секунду не остановит. Каждый из них катится колесом по жизни, оскверняя все на своем пути.

Жить так нельзя. Нельзя жить в стране, в которой накопилась критическая масса таких вот уродов. Нельзя заниматься делами там, где большинство – вот такие. Просто не получится – завалится любое дело. В Израиле таких полно, и местные их уже прохавали, с израильскими бизнесменами русского происхождения местные чаще всего принципиально не имеют дел. То же самое и в других местах, где русских много. Они виноваты во многом из того плохого, что с нами происходит. Из-за них с нами не имеют дела, в нашу страну не вкладывают деньги, нам не открывают нормально банковские счета, нас не пускают на некоторые курорты. Наше правительство принимает немало действительно нормальных законов, нормальных по самым строгим меркам, но ничего не работает именно потому, что происходит такой вот беспредел. И Борян – типичный представитель постсоветских пацанов эпохи раннего капитализма, готовых

отхватить столько, сколько сможет, стоит только зазеваться. Он мразь в самом прямом понимании этого слова. И потому, Борян, я не испытываю ни грамма раскаяния, когда заряжаю тебе самую большую залепуху, какую ты когда-либо видел. Я знаю, что, скорее всего, в живых в этой терке ты не останешься. Может быть, я сам тебя грохну, если представится такая возможность. И не пойду в церковь отмаливать грехи. Убивать таких – чище воздух будет.

Но пока я широко улыбаюсь.

– По рукам. Три из десяти – и нал пятьдесят на пятьдесят.

Протягиваю руку. Борян жмет ее. Теперь мы партнеры – в важном деле выбивания денег из Бориных работодателей. И он ляжет костями, доказывая, что база данных ценная, даже если внутри – полное фуфло. Потому что ему нужен свой кусок в этом деле – три лимона, из них пол-лимона наличкой. Вот так и вербуются сейчас люди.

– Когда?

– Я передам сейчас же.

– Я спросил – когда?

– Пара дней. Надо прокачать ситуевину, так просто такие деньги никто не отмасляет.

Слишком велика сумма.

– Так поделить там с кем. Неужели нельзя?

– Не. Так не делается. Подкатиться, конечно, можно попробовать.

– Так попробуй. Возьми в долю.

– В твою. Или в мою? – моментально реагирует Борян.

Вот что за свинство в людях?! Хотя и я вряд ли лучше.

– Вот что ты за свинья, а? Раньше ведь вроде не был таким.

Борян улыбается, и улыбается нехорошо.

– Я свинья? Если я свинья, допустим, то кто тогда ты? Я ведь про тебя знаю много чего, дружище. Ты хоть помнишь, сколько людей ты убил? Я – да, кидал, было дело. А ты убивал. Разные вещи, не находишь?

Я смотрю в сторону, чтобы не выдать себя.

– Проехали...

– Так что?

– Если что – отзовони. Думаю, пятьдесят на пятьдесят, фифти-фифти. Если верняк, посмотрим, в общем...

– О'кей. Тебе есть где спрятаться?

– Найду. У меня телефон будет включен каждый день в двенадцать и двадцать четыре, тот, с которого я тебе звонил. Имей это в виду.

– Хорошо. Удачи...

Я толкаю дверь.

– Ва-алейкум. И тебе...

* * *

Оперативники ЦРУ оставили свои мотоциклы на въезде в университетскую зону, охраняемую спецподразделением полиции. С ними, в тайниках их транспортных средств, были сразу несколько удостоверений личности и других документов на их имя – это было нужно, чтобы проходить в места ограниченного доступа. У мужчины ничего подходящего не было, а вот у женщины была пластиковая карточка студентки Багдадского политехнического. Поэтому она провела карточкой по идентификатору, состроила глазки немного ошалевшему полицейскому – он только что был поставлен на пост, был из деревни и не женат – и шагнула через турникет, что-то мило треща по телефону.

Пройдя несколько метров, она обернулась – полицейский пытался подобрать челюсть. Ну и черт с ним.

– Джамиля? – раздался в трубке мужской голос.

– Да, – понизив голос, сказала она. – Я прошла.

– Отлично. Иди вперед, мы наведем тебя.

– Иду.

Раньше американцы пользовались для такой работы дронами, которые парили над целью и видели все и вся. Но теперь в Багдаде были русские, а дронов не было, да и с деньгами было не сказать что хорошо. Поэтому станция ЦРУ в Багдаде зарегистрировала транспортно-перевозочную компанию совместно с турками и курдами и купила на нее специальное приложение Google, позволявшее «пространственно управлять бизнесом». Его разрабатывали для того, чтобы в реальном режиме времени управлять доставкой товаров, видеть, где находятся и что делают твои коммерческие представители (торговые агенты), где находится в данный момент отправленный тобой груз, если он оснащен RFID-меткой. Но оказалось, что с помощью такой программы можно отлично управлять и специальными, а не только торговыми агентами на улицах Багдада. И всего-то за тысяча девятьсот девяносто долларов абонентской платы в год за расширенную версию.

Место, где находилась Джамиля, было отмечено на карте Багдада небольшим синим треугольником, а место, где находился телефон русского, они видели на специальной программе спутникового слежения, предоставленной АНБ. Совмещая две этих карты, накладывая одну на другую, они и вели своего агента по телефону к месту, где находится русский.

– О'кей, что ты видишь?

– Четвертый корпус, – коротко ответила Джамиля.

– Давай пятнадцать футов вперед.

Она послушно пошла вперед. Студентка, трещащая что-то по телефону, одна из многих, – на нее никто не обращал внимания. Даже одета она была так же, как одеваются местные модницы: полупрозрачный хиджаб, под ним – нечто вроде черного спортивного костюма в обтяжку, не скрывающего, а, наоборот, анатомически точно обрисовывающего формы молодого и привлекательного тела, повязанный на голову платок с дорогой вышивкой золотом, подчеркивающий овал лица. Это новая арабская мода – вроде как все по шариату, но при этом еще соблазнительнее, чем мини-юбка. Местные сердцеедки знали главный секрет соблазнения – намеки, а мужчина додумает все остальное.

– Теперь вправо, примерно пятнадцать градусов.

Она повернулась.

– Перед тобой. Примерно семьдесят футов. Что видишь?

– Внедорожник, – ответила она. – Белый «Лексус-470», около него двое мужчин. Похоже, что это охрана.

– О'кей, не надо описывать. Снимай. Мы сами посмотрим.

Джамиля повернулась и начала снимать. Кто-то толкнул ее, пробормотал извинения.

– Так... Есть. Что-то перед тобой?

– Дорожка.

– Нам надо заснять номера. Попробуй сделай это.

– Хорошо.

Она сместилась и сняла номера.

– Вот и отлично. Теперь слушаем, что они говорят.

Джамиля снова сменила позицию, надела очки. Лазерный луч безошибочно нашел автомобильное стекло.

– Ну, ты знаешь, такие дела с кондачка не решаются. Десять лямов...

– Десять лямов. Поверь, это стоит того. Твоих – два.

– *Пять!*

– *Беспределишь.*

– *Нормально. Договариваться – мне.*

– *Три. Больше не дам. Лимон наличкой, остальное – перевод на счет, который укажу, ясно? И без кидка.*

– *Тогда из ляма половина – мои.*

– Вот же мразь, а? – выругался Подольски, вытаскивая из уха наушник. – Ну и мразь. Сукин сын, ублюдок.

– О чем это он? – спросил Рафф.

– Этот подонок решил устроить аукцион! – Подольски был вне себя. – Ну вот же гнида, а? Он же только что мне звонил. Мразь поганая...

Начальник станции ЦРУ в Багдаде похлопал по плечу оператора по фамилии Горовиц.

– Ник, попробуйте пометить. И ведите обоих, и русского, и эту машину. Пробейте по базам, попробуйте сфотографировать пассажира, с кем разговаривал этот русский. Выделите на это ресурсы, дело приоритетное. Пойдемте.

Они вышли из зала, прошли в кабинет начальника станции. Там Рафф налил себе кофе из старомодного термоса, гостю не предложил.

– Послушайте, мистер Подольски, – сказал он, прихлебывая кофе. – Я понимаю, что у вас полномочия непосредственно из Лэнгли и приказ оказывать вам содействие поступил непосредственно от заместителя директора. Однако приказ можно исполнять по-разному. Можно с заинтересованностью, а можно – не очень. Вы понимаете, о чем я?

Подольски промолчал.

– Этот русский... Не думайте, что мы его не знаем. Это тот еще тип, у него может быть информация на миллион баксов, а может быть полное фуфло, которое он за миллион баксов вам впарит. Таковы русские. Недавно он приходил в посольство и требовал пятьдесят тысяч – мы выставили его за дверь. Суть в том, что этот парень нечист и играет нечисто. И я хочу, черт возьми, знать, что происходит. Хотя бы потому, что я – начальник станции в Багдаде. Если вам проще – можете...

– Да ничего простого тут нет, – сказал Подольски. – Этот парень предлагает русскую базу данных. По операциям, по агентам – по всему, в общем. И кроме того – он имеет какую-то серьезную инфу по нашим операциям. У меня приказ разобраться во всем в этом. При необходимости – с изъятием. Мы вышли на контакт с ним, а теперь, оказывается, он хочет продать базу кому-то еще. Я даже боюсь предполагать кому. Китаю? «Аль-Каиде»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.